



УДК 34.01

Т. К. Примак, Г. В. Казакова, К. А. Орлова

ПРОБЛЕМЫ ТОЛКОВАНИЯ ПРАВОВЫХ НОРМ
В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СУДЕБНЫХ ОРГАНОВ

Рассматриваются проблемы толкования правовых норм судебными инстанциями, которые заключаются прежде всего в понимании права. Толкование права нередко дается наряду с толкованием закона, а это предполагает серьезную профессиональную и теоретическую подготовку, особенно если это связано с применением конституционных норм, аналогии права, принципов права. Авторы признают, что в Российской Федерации суды не создают источники права, а лишь толкуют их в рамках предоставленных им полномочий, за исключением, пожалуй, Конституционного суда РФ, который на протяжении многих лет достаточно последовательно и категорично утверждает, что содержащиеся в его решениях правовые позиции не только носят нормативный характер, но и по своей юридической силе равны положениям Конституции.

This article discusses the interpretation of legal norms by courts, which consist primarily in understanding the law. The interpretation of the law is often conducted alongside the interpretation of the statute, which requires serious professional and academic training, especially, if it involves the use of constitutional norms, analogy of law, and the principles of law. The authors stress that the courts of the Russian Federation do not create sources of law, but merely interpret them in the framework of their powers with the exception of the Constitutional Court, which has consistently emphasized over the years that the legal positions contained in its decisions are not only normative, but also have legal force equal to that of the Constitution.

Ключевые слова: толкование права, толкование закона, правовые позиции.

Key words: interpretation of the law, interpretation of the statute, legal positions.

Как известно, толкование является одним из важнейших элементов, условием успешной правоприменительной деятельности. Вместе с тем надо обратить внимание на несколько проблем.

1. Толкование норм права — это сложный, противоречивый процесс, который не может происходить в отрыве от экономической, социально-политической ситуации в той или иной стране. В частности, этот аспект прослеживается достаточно четко на примере западноевропейских стран — в течение XVIII в. толкование законов или запрещалось, или объявлялось исключительно государственной монополией; в XIX в. устанавливается не только право, но и обязанность судов толковать законы; в XX—XXI вв. отмечается отход от признания нормативно-правового



акта единственным источником права, за судебной практикой фактически закрепляется статус источника права, что обусловлено не юридической обязательностью отдельных судебных решений, а их восприятием как образца правильного толкования и применения закона [1; 2].

Аналогичные процессы можно наблюдать и в России, однако в нашей стране наибольшее влияние на законодательство и принятие судебных решений оказывала и продолжает оказывать политическая власть. Например, Конституционный суд РФ в 2005 г. признал конституционным решение о назначении губернаторов, в 2012 г. — уже об их избрании населением на прямых выборах [3; 4]. Понятно, что при необходимости конкретные способы формирования органов государственной власти субъектов Российской Федерации могут корректироваться. Но системный анализ решений, в частности, Конституционного суда РФ, связанных с толкованием Конституции РФ и оценкой конституционности указов Президента РФ, вполне обоснованно приводит к выводу о том, что создана правовая основа для расширения полномочий главы государства, а это явный дисбаланс в закрепленной Конституцией РФ модели разделения властей [5]. Понятно, что решение этой проблемы выходит далеко за рамки юриспруденции, но все же Конституционный суд РФ должен более последовательно отстаивать нормативно закрепленные конституционные положения, так как именно он имеет возможность, если не нейтрализовать, то хотя бы смягчить подобный дисбаланс.

2. Толкование права в практическом смысле, несмотря на то что оно ориентировано на преодоление конфликтных ситуаций, разрешение конкретных юридических дел, вынесение правового вердикта, так или иначе упирается в понимание права. Так, сторонники социологического подхода будут исследовать, как суды или административные органы толкуют правовые нормы, нормативисты сосредоточатся на изданных государством или признаваемых им нормах, философы обратят внимание на идеи свободы и справедливости.

Можно свести право и к субъективным правам, и тогда толкование будет направлено на выявление содержания всех вариантов поведения лица. В частности, С. И. Вершинина пишет, что толкование нормы как правовой вид деятельности в обязательном порядке должен вызывать правовые последствия для всех, чьи интересы затрагивает правовая норма. От содержания и качества толкования зависят реальные права и возможности участников правоотношений [6, с. 36]. Но здесь, во-первых, субъектом толкования является не обладатель субъективного права, а те, кто оценивает правовой характер его поведения, во-вторых, толкование обладателем субъективного права своих возможностей подчас оказывается вполне достаточным, если это не затрагивает прав других лиц и интересов государства.

Не опровергая в принципе наличие многочисленных подходов, необходимо отметить, что небуквальное толкование правовых норм по силам не каждому правоприменителю. Например, если государствен-



ному служащему позволить интерпретировать право на основе широкого подхода (противопоставляя право и закон), то можно получить не только нежелательные, но и плачевные результаты. Использовать социологические, философские и другие подходы, в том числе заниматься толкованием права и закона, могут и должны ученые, законодатели, субъекты, обладающие правом законодательной инициативы. В частности, высшие судебные инстанции достаточно часто дают толкование права наряду с толкованием закона, в том числе и при отсутствии законодательных формулировок.

3. Толкование норм права предполагает серьезную профессиональную и теоретическую подготовку, особенно если это связано с применением конституционных норм, аналогии права, принципов права, что носит довольно абстрактный характер. При этом, как известно, российские суды (за исключением, пожалуй, высших судебных инстанций) весьма осторожно прибегают к рассуждениям теоретического порядка, что, например, неизбежно при применении в юридическом споре какого-либо правового принципа. В частности, отсутствие должного уровня подготовки приводит к странным и любопытным случаям применения принципов гражданского права [7]. Так, предметом одного судебного спора стало требование агента о взыскании с принципала денежной суммы, уплата которой была предусмотрена агентским договором. Суд первой инстанции, поддержанный апелляционным судом, иск удовлетворил. Окружной суд, рассматривавший дело в кассационном порядке, определил, что удовлетворение иска приведет к тому, что вознаграждение агента составит более чем 80 % от стоимости имущества, приобретенного агентом во исполнение поручений принципала. Суд счел, что это «в корне противоречит общим началам и смыслу гражданского законодательства, устанавливающего равенство участников гражданских правоотношений» [8].

Видимо, стоит с пониманием отнестись к тому, что право всех судов непосредственно применять Конституцию РФ ограничивается, хотя и чрезвычайно противоречивым образом. Так, с одной стороны, прямое действие Конституции закреплено в ней самой (ст. 15) и федеральном конституционном законе «О судебной системе Российской Федерации» от 31.12.1996 г. (ст. 5 — суд, установив при рассмотрении дела несоответствие закона Конституции, при принятии решения должен руководствоваться конституционными нормами как обладающими большей юридической силой), с другой — в федеральном конституционном законе «О Конституционном Суде Российской Федерации» от 21.07.1994 г. говорится, что суд, придя к выводу о несоответствии закона Конституции, обязан обращаться в Конституционный суд Российской Федерации с запросом о проверке конституционности данного закона (ст. 101).

Различные позиции по этому вопросу заняли и высшие судебные органы. Так, Пленум Верховного суда РФ в своем постановлении от 31.10.1995 г. №8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» разъяс-



нил, что суды в случае противоречия закона Конституции должны применять Конституцию Российской Федерации в качестве акта прямого действия, и лишь в случае неопределенности обращаться в Конституционный суд РФ с запросом о конституционности этого закона [7]. В свою очередь, в постановлении Конституционного суда РФ от 16.06.1998 г. №19-П «По делу о толковании отдельных положений статей 125, 126 и 127 Конституции Российской Федерации» отражается противоположная идея — в любом случае суд общей юрисдикции или арбитражный суд обязаны обратиться в Конституционный суд РФ с запросом о проверке конституционности такого закона [9].

Иными словами, с одной стороны, в соответствии с теоретическими представлениями о правильном и единообразном толковании правовых норм такого рода противоречия недопустимы, с другой — на протяжении шести лет (отчет с 1998 г. — даты последнего постановления Конституционного суда) эта ситуация существует, и пока, судя по всему, ее менять никто не собирается. Собственно, и поиск вариантов разрешения может быть различным. Например, с позиций позитивистского подхода необходимо привести акты в соответствие с Конституцией либо, наоборот, изменить конституционные положения; с позиций социологического — констатировать, что суды общей юрисдикции в основном обращаются к постановлениям Верховного суда РФ, в связи с чем для них существующие противоречия вполне допустимы; уровень правовой культуры, правосознания, профессиональной, теоретической подготовки представителей судейского сообщества недостаточно высок, поэтому подобного рода ограничения вполне приемлемы.

4. Особое значение имеет толкование норм права в судебном процессе. Процесс доказывания, основанный на интерпретации норм, осуществляется всеми участвующими в деле лицами, ведь принципы состязательности и равноправия сторон в гражданском и арбитражном процессах предполагают представление доказательств в обоснование требований или возражений, что, очевидно, связано с толкованием норм права. Однако ключевая роль в толковании норм, безусловно, принадлежит суду, и именно его деятельность влечет правовые последствия для заинтересованных лиц. По этой причине имеет смысл говорить лишь о влиянии участвующих в деле лиц на процесс толкования судом нормы права.

Суд, разрешая дело по внутреннему убеждению, основывает свои выводы на буквальном содержании норм права, но прежде всего учитывает руководящие разъяснения Верховного суда Российской Федерации по вопросам судебной практики на основе ее изучения и обобщения, даваемые в целях обеспечения единообразного применения законодательства РФ [10].

В ст. 170 АПК РФ закреплено право суда в мотивировочной части решения ссылаться на постановления Пленума Высшего арбитражного суда Российской Федерации по вопросам судебной практики и Президиума Высшего арбитражного суда РФ. Несмотря на отсутствие анало-



гичной нормы в ГПК РФ, оба процессуальных закона предусматривают в качестве основания для отмены судебного акта в порядке надзора нарушение единообразия в толковании и применении судами норм права. Как отметила Т. А. Морщакова, есть много неопределенных моментов, которые приходится восполнять с помощью судебского убеждения и интерпретации закона. И поскольку субъекты судебской интерпретации многочисленны, то и она сама может быть различной [11]. Обобщение судебных дел позволяет в полной мере увидеть тенденции в правоприменительной практике судов разных инстанций или судов одной инстанции, но расположенных в разных регионах России. В этом случае нарушение единообразия в правоприменении является позитивным фактором, влияющим не только на формирование правовой позиции высшей судебной инстанции, которой должны руководствоваться суды, но и на развитие законодательства.

Открытым остается вопрос: может ли судебное постановление содержать положения, нарушающие императивные нормы законодательства. Так, А. И. Кандыбко, говоря о феномене «параллельного права», указывает на то, что опасность заключается не в том, признавать или нет судебную практику источником российского права, а в том, что она, по сути дела, таковой уже стала и, более того, в ряде случаев подменила собой действующие нормы императивного права. При этом в судах существует однозначная установка, что необходимо руководствоваться судебной практикой, если по аналогичному спору она имеется [12]. Ответ очевиден: если мы признаем судебный прецедент в качестве основного источника права, то он может заменять императивные нормы закона, если мы признаем судебный прецедент в качестве дополнительного источника права или не признаем его в качестве источника права, то нет.

5. Дискуссия о роли суда и о судебной практике как источнике права имеет длительную историю. По результатам анализа юридической литературы Ю. Н. Тимофеева еще в 2006 г. пришла к выводу о том, что единой позиции о природе судебных актов нет [13], как нет ее и сегодня.

По мнению А. А. Малошина, судебные коллегии Верховного суда Российской Федерации, вырабатывая единообразную практику применения законодательства, с одной стороны, восполняют пробелы в законах (что является правотворческой деятельностью), с другой — достигают «определенного единообразия» в применении действующего законодательства судами общей юрисдикции [14].

Как справедливо отмечает В. В. Ершов, многие современные авторы спорно относят к источникам права судебные прецеденты и правовые позиции судов. Так, например, Г. А. Гаджиев источником «с особой нормативностью с точки зрения сущностных признаков» считает правовые позиции Европейского суда по правам человека, Конституционного суда РФ, Верховного и Высшего арбитражного судов РФ [15].

Обобщая результаты дискуссии, А. А. Джура выделяет три подхода к определению юридической природы судебного толкования [16]. Со-



гласно первому некоторые судебные акты могут признаваться источниками права. Второй подход основан на том, что любые судебные акты являются лишь актами толкования права. Третий подход, который можно считать компромиссным, отличается тем, что акты официального толкования выступают в значении регулятора общественных отношений, т. е. они не создают новых норм, но ими могут «конкретизироваться характеристики юридических фактов, субъектов и объектов права и правоотношений, субъективные права и юридические обязанности».

При этом анализируя мнения ученых, М. В. Залоило делает вывод о том, что одни ученые отождествляют толкование с конкретизацией юридических норм, а другие — считают, что конкретизация поглощается толкованием. Есть точка зрения, что толкование поглощается конкретизацией и рассматривается как форма конкретизации, а также что конкретизация и толкование соотносятся как цель и средство, право на конкретизацию следует из права на толкование и, наконец, что толкование и конкретизация рассматриваются как самостоятельные понятия, тесно связанные между собой [17].

В целом же надо признать, что в Российской Федерации суды не создают источники права, а лишь толкуют основные источники (нормативно-правовые акты) в рамках предоставленных им полномочий, за исключением, пожалуй, Конституционного суда РФ, который на протяжении многих лет достаточно последовательно и категорично утверждает, что содержащиеся в его решениях правовые позиции носят не только нормативный характер, но и по своей юридической силе равны положениям Конституции [18]. Однако такую позицию разделяют далеко не все ученые и практики, что вполне справедливо, так как установление иерархии внутри судебной системы вряд ли допустимо.

6. В целом можно согласиться с высказанным в юридической литературе предложением о выделении объективных и субъективных факторов, приводящих к неправильному толкованию. Их достаточно полное описание содержится в работе Д. В. Александрова, который к первым относит неопределенность правовых норм и многообразие конкретных жизненных обстоятельств, ими регулируемых; объективное отставание права от развития общественных отношений; наличие областей общественных отношений, подпадающих под законодательное умолчание; специфику языка права; наличие логико-структурных дефектов права (пробелы, коллизии норм и интерпретаций, заурегулированность, несовершенство юридических и терминологических конструкций и др.) и т. д. Ко вторым — индивидуальные особенности субъектов толкования, выражающиеся в уровне его правосознания (правовые знания, наличие деформации правосознания, правовые установки и готовность личности), в правовом (профессиональном) опыте и иных личностных качествах, а также фактической зависимости при формальной независимости от экономических, политических, ведомственных, индивидуальных и иных интересов [19].



Понятно, что устранить многие из перечисленных факторов вряд ли удастся, особенно в ближайшее время. Вместе с тем негативный эффект толкования норм права судом необходимо минимизировать уже сегодня. Так, проблемой правоприменения стало различие в толковании норм права судами общей юрисдикции и арбитражными судами, что не могло не привести к идее объединения высших судебных инстанций, в том числе и в целях обеспечения единообразного применения законодательства РФ.

На данный момент особо актуальны по крайней мере две проблемы.

Первая — толкование одних и тех же норм права судами общей юрисдикции и арбитражными судами, что создает не только трудности в правоприменении, но и конкуренцию между судами и, как следствие, заставляет практикующих юристов искать способы, позволяющие использовать альтернативу при выборе подведомственности спора. Объединение высших судебных инстанций не решило эту проблему, поскольку правовые позиции Высшего арбитражного суда РФ сохраняют свое значение для правоприменительной практики, поэтому этот вопрос нуждается в скорейшем разрешении Верховным судом РФ, возможно, путем принятия специального постановления Пленума по вопросам различного толкования норм судами общей юрисдикции и арбитражными судами.

Вторая — различия в толковании норм права судами в разных регионах Российской Федерации дают основания говорить о «законности калужской и рязанской». Оно нарушает единообразие в правоприменении и является причиной для отмены судебного акта в порядке надзора, т.е. преодолимо в процессуальном порядке только на уровне высшей судебной инстанции. Эта проблема разрешается посредством толкования норм права в результате обобщения судебной практики. Поэтому обобщение судебной практики для единообразного толкования необходимо, а изменение правовой позиции высшей судебной инстанции по тому или иному вопросу свидетельствует об отсутствии косности судебной системы и правовой системы в целом.

В заключение можно отметить, что, безусловно, процессы глобализации, интеграции России в международное пространство скорее всего (по примеру западноевропейских стран) приведут к признанию судебного прецедента в качестве дополнительного, но не основного источника права, поэтому надо уже сегодня создавать необходимые условия, в частности непрерывно повышать уровень профессиональной и теоретической подготовки судей.

Список литературы

1. Подольская Н. А. Прецедент как источник права в романо-германской правовой семье // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 11, Право. 1999. №6. С. 80—88.
2. Марченко М. Н. Судебное правотворчество и судейской право. М., 2009. С. 249—263.



3. По делу о проверке конституционности отдельных положений федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» в связи с жалобами ряда граждан [Электронный ресурс] : постановление Конституционного суда РФ от 21 дек. 2005 г. №13-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. По делу о проверке конституционности отдельных положений федеральных законов «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы [Электронный ресурс] : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 24 дек. 2012 г. №32-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. Юрина Е. В. Российская модель разделения властей в решениях Конституционного суда Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юр. наук. М., 2008.

6. Вершинина С. И. К вопросу о толковании норм права // Вектор науки ТГУ. 2010. №2(2).

7. Практика применения Гражданского кодекса Российской Федерации, части первой / под общ. ред. В. А. Белова. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2011.

8. О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верховного суда РФ от 31 окт. 1995 г. №8. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

9. По делу о толковании отдельных положений статей 125, 126 и 127 Конституции Рос. Федерации [Электронный ресурс] : постановление Конституционного суда Рос. Федерации от 16 июня 1998 г. №19-П. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

10. О Верховном суде Рос. Федерации ст. 2, п. 7, пп. 1 : федер. конституц. закон от 5 февр. 2014 г. №3-ФКЗ // Российская газета. 2014. 7 февр.

11. Прецедент: подсказка или указка? : интервью с Т. Г. Морщаковой // ЭЖ-Юрист. 2010. №15.

12. Кандыбко А. И. Параллельное право // Северо-Кавказский юридический вестник. 2012. №2. С. 41.

13. Тимофеева Ю. Н. Акты судебного толкования как разновидность юридических актов // Ленинградский юридический журнал. 2006. №1. С. 70—78.

14. Малошин А. А. Актуальные вопросы разграничения правотворческой функции между Конституционным судом Рос. Федерации, Верховным судом Рос. Федерации и Высшим арбитражным судом Рос. Федерации // Арбитражный и гражданский процесс. 2012. №11.

15. Еришов В. В. Право и неправо: дискуссионные вопросы теории и практики // Российское правосудие. 2013. №1. С. 24.

16. Джура А. А. Интерпретационные акты судебных органов // Сибирский юридический вестник. 2009. №1 (44). С. 19—20.

17. Залюило М. В. Конкретизация и толкование юридических норм: проблемы соотношения и взаимодействия // Журнал российского права. 2010. URL: http://www.juristlib.ru/book_8858.html (дата обращения: 09.06.2014).

18. Комментарий к Конституции Рос. Федерации (постатейный) / под ред. В. Д. Зорькина. М., 2011.



19. Александров Д. В. Интерпретационный риск в юридической деятельности и правореализующей практике : автореф. дис. ... канд. юр. наук. Владимир, 2007.

Об авторах

Татьяна Клавдиевна Примак — д-р юр. наук, проф., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград.

E-mail: primaktk@mail.ru

Галина Владимировна Казакова — канд. юр. наук, доц., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград.

E-mail: GKazakova@kantiana.ru

Ксения Александровна Орлова — асп., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград.

E-mail: activia2007@mail.ru

About the authors

Prof. Tatyana Primak, Department of Civil Law and Procedure, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad.

E-mail: primaktk@mail.ru

Dr Galina Kazakova, Associate Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad.

E-mail: GKazakova@kantiana.ru

Kseniya Orlova, PhD student, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad.

E-mail: activia2007@mail.ru